

1

Кулачный боец

Когда, почти двадцать лет назад, отец Луизы впервые увидел ее мать на пирсе морского порта Акъяб — точнее, когда увидел ее волосы, черный блестящий покров, спускавшийся ниже подола платья к запыленным белым лодыжкам, — он напомнил себе: *Бог любит каждого из нас так, будто каждый из нас — единственный**.

Было у него такое обыкновение, искать убежища от катаклизмов чувств (и похоти) в утешительных словах святого Августина. Верил ли он им? Когда он чувствовал себя безоговорочно любимым — в какой момент, с той самой поры, как был малышом с улицы Тсиикай Маун Таули в еврейском квартале Рангуна? Даже воспоминания о том времени и месте не приносили утешения: дед, читающий Тору в синагоге Машмия Ешуа**, отец за стойкой

* Не совсем точная цитата из «Исповеди» Августина. В оригинале: «О Ты, благий и всемогущий, Который заботишься о каждом из нас так, словно он является единственным предметом Твоей заботы, и обо всех так, как о каждом!» (пер. М. Сергеенко).

** Единственная синагога в Бирме, основанная общиной евреев-сепардов из Ирака.

«Э. Соломон & Сыновья» и большие коричневые круги под глазами у мамы, когда она умоляет его, своего единственного ребенка: *Будь осторожен, Бенни.* Мертвые, все они, умерли от заурядной болезни в 1926-м, когда ему было семь лет.

Будь осторожен, Бенни. Материнская неистовая любовь хранила его — он не сомневался в этом — вплоть до того момента, когда между ним и смертью уже ничего не стояло и его отправили на Манго-лейн в Калькутте, жить с тетками по линии матери, дочерьми покойного местного раввина. Их любовь не шла ни в какое сравнение с маминой. Вялая, пресная, жалкая, неспособная защитить от душевной боли. Поэтому пришлось пустить в ход кулаки, особенно когда мальчишки в его новой еврейской школе дразнили за странный выговор, за чудное бирманское словечко, которое украшало его восклицания. Тетки разобрались с «проблемой кулаков» и тем чудовищным фактом, что на этих кулаках принесена в их дом кровь других мальчиков (*Еврейская кровь! Кровь евреев на его руках!*), выпроводив его дальше — в единственный ближайший пансион с боксерскими уроками, колледж Сент-Джеймс, что на Нижней Морской дороге. Весьма удобное расположение для тетушек, которые успокоили свои опасения относительно христианского уклона школы, утверждая, что никакое заведение серьезной религиозной направленности не стало бы располагаться на улице с таким названием, бодро констатировав — *Нижняя Мирская. И к тому же больше никакой еврейской крови на его руках,* отметили они удовлетворенно.

И оказались правы. За следующие пять лет на Нижней Морской его кулаки опробовали всякую разную кровь, *кроме еврейской:* индийскую кровь, кровьベンгали, кровь

туркхов*, кровь пенджабцев, кровь тамилов, кровь малайцев, персидскую кровь, кровь парсов, турецкую кровь, английскую кровь, китайскую кровь и армянскую — много-много армянской крови.

Бедняга Кероб «Армянский Тигр» Абдулян — или как там его звали. В забитом народом спортзале, провонявшем грязными носками, спитым чаем и прогнившим деревом, семнадцатилетний Бенни поколотил его ради венка победителя Межшкольного чемпионата по боксу провинции Бенгали, и никогда еще лицо молодого человека не претерпевало таких физических изменений во имя метафизической идеи. Прежде чем вырубиться в первом же раунде, армянин получил удар левой в подбородок — за то, что сиротка Бенни все еще страдал из-за смерти родителей. Второй удар левой в челюсть он ограбил за мир, который допускает, чтобы такое случалось, и еще один за слово «сиротка», которое Бенни ненавидел больше, чем любые антисемитские оскорблении, и которым одноклассники злобно и упорно награждали его. Армянин получил правой в брюхо за всех матерей и отцов, тетушек и дядюшек, дедов и опекунов — колонизированных граждан «цивилизованной» Британской империи, за всех скопом, — которые ссылали своих отпрысков в пансионы вроде Сент-Джеймса в Индии. Но ни один из этих ударов не смог повергнуть Тигра. Нет, уложил его на пол, а зрителей поднял на ноги ураган ударов, вызванный тем, что Бенни краем глаза заметил на трибунах появление юной темнокожей новициатки, сестры Аделы, с которой он едва ли перебросился парой слов, но которая — вплоть до сегодняшнего дня — с педантичной пунктуальностью являлась на все его поединки.

* Непальские добровольцы в колониальной армии Великобритании.

Он воспринимал ее присутствие на матчах как своего рода упражнение в служении — ему или школе (и, в более широком смысле, Богу?). Сейчас, как только рефери начал отсчет над поверженным армянином, сестра Аделя в своих белых одеждах застыла рядом с группой учеников, чья бурная поддержка Бенни лишь оттеняла ее невозмутимость, внимательный взгляд черных глаз был устремлен на него. Но когда поединок так внезапно и победно прервался и Бенни пытался выбраться из толпы поклонников, хлынувших на ринг, она выскользнула из зала, не замеченная никем, кроме него.

Вечером гордый директор закатил настоящий пир в честь Бенни. Запеченная нога ягненка, жареный картофель, трайфл — но все эти западные кушанья Бенни едва попробовал, поскольку все его внимание было сосредоточено на кончике вилки сестры Адели — та перебирала на тарелке кусочки еды, склонившись над угловым столом, где сидела вместе с остальными монахинями. Лишь однажды она встретилась взглядом с Бенни, и взгляд ее был столь пронзителен и укоряющ, что все его лицо заныло, особенно распухшая верхняя губа — результат единственного хука правой Армянского Тигра, который Бенни умудрился пропустить. Неужели она сердится на него?

Как будто чтобы избавить его от ответа на этот вопрос, на следующее утро отец забрал ее. Она вышла в облегающем бедра сари ярко-розового цвета, с которым резко контрастировали немыслимо черные пряди, ниспадавшие из узла внизу шеи — самой изящной шеи на свете. Королевская шея, твердил себе Бенни следующие несколько недель, безуспешно пытаясь сосредоточиться на ринге. Удивительно, но его желание драться удалилось из зала вслед за сестрой Аделой.

МИСС БИРМА

А месяц спустя от нее пришло письмо:

Милый Бенни,

Помнишь, как я прошла мимо, когда ты сидел в библиотеке и разговаривал сам с собой? Я подумала, ты умом повредился из-за того, что тебя все время лупцевали по голове. Но нет ты читал наставления святого Августина и говорил вслух Бог любит каждого из нас так, будто каждый из нас — единственный. Да, ты произносил это с большой иронией, но я сразу поняла что ты очень славный и глубоко внутри кроткий человек. И возможно ты думал о том же что и я. Что иногда необходимо пожить без человеческой любви, чтобы любовь Бога коснулась нас полнее. Это правда что никакая любовь человеческая не может быть такой незамутненной и глубокой как Божественная ты же согласен? Попытайся, как и я, думать о любви Бога всякий раз когда тебе грустно. О я знаю что ты поступишь наоборот! Что ж пускай это станет проверкой и напоминанием что истинные бунтари непредсказуемы. Я сказала себе Я НЕ СМОГУ ВЫДЕРЖАТЬ твой матч, когда узнала, что отец приедет за мной, но потом передумала. Обязательно было так жестоко обойтись с тем парнем? Ты представить не можешь как очень очень очень счастлива я была, когда ты побил его, так счастлива, что вот опять плачу. О Бенни. Помолись обо мне. Твоя дорогая Сестра Адела теперь жена.

Сим удостоверяю,

Пандита Кумари (миссис Джайдев Кумари)

Бенни плыл в Рангун в июне 1938-го, когда циклон, пришедший из Бенгальского залива, схватил пароход в свои